

Цю Юй протянул руку, пытаясь коснуться странных знаков. Его пальцы прошли сквозь них, словно сквозь туман — цифры парили прямо в воздухе.

Чэн Пан, заметив это движение, решил, что его сейчас ударят. Он испуганно отшатнулся, округлив глаза. Строчка цифр послушно последовала за ним, недвижно застыв над самой макушкой.

Немного подумав, Цю Юй подошел к окну и плотно задернул шторы, отсекая солнечный свет. Шкалы прогресса слегка поблекли, но не исчезли.

Что же это такое? Цю Юй терялся в догадках.

Чэн Пан, перепуганный резкими движениями похитителя, судорожно сглотнул.

— Ты... ты что задумал? — пролепетал он, вжимаясь в кровать.

«Неужели сначала изнасилует, а потом прибьет?» — промелькнула в голове паническая мысль.

Цю Юй вернулся к нему и опустил ладони на напряженные плечи парня.

— Пан-пан, не бойся. Я не причиню тебе вреда.

«А то, что ты меня связал — это так, дружеское объятие?» — Чэн Пан едва не расплакался. Он лихорадочно соображал: если он сейчас заорет во всю глотку, придет ли кто-нибудь на помощь?

В этот момент из прихожей донесся звук открываемой двери:

— Цю Юй, мама вернулась! Ох и находилась же я по рынку, ноги гудят.

Мама! Чэн Пан едва не подпрыгнул от радости. Она-то уж точно вразумит сына и не даст ему совершить преступление. В конце концов, это же самое настоящее похищение и незаконное лишение свободы!

Чэн Пан не спешил кричать — боялся, что Цю Юй в последний момент зажмет ему рот. Он наблюдал, как тот, опираясь на костыль, подошел к двери. Ограничительная цепочка позволила приоткрыть створку лишь на ширину ладони.

— Мам, — негромко позвал Цю Юй.

В щели показалось лицо женщины. Чэн Пан принялся отчаянно смотреть на неё: «Тетушка,

спасите меня!»

Мать Цю Юя мгновенно считала его сигнал и серьезно спросила:

— Невестушка-толстушка, чего бы ты хотел на обед?

—...

Чэн Пан демонстративно приподнял связанные руки: «Тетушка, вы видите? Я в путах!»

Мать Цю Юя нахмурилась в замешательстве:

— Свиную рульку?

—...

Наконец Чэн Пан не выдержал:

— Тетушка...

— Будет тебе рулька, — ласково перебила его женщина. — А еще свиные ребрышки с морской капустой, кинза, картофель и сельдерей. Что из этого приготовить первым?

«Да у вас вся семейка заодно?!»

Цю Юй обернулся к матери:

— Готовь что хочешь. Он всё съест.

— Хорошо, сынок.

— Мам, а ты видишь над головой Бай-бая две полоски?

— Какие еще полоски? — Мать Цю Юя озадаченно оглядела комнату. — Там шкаф. Никаких полосок.

— Красные и желтые шкалы прогресса тоже не видишь?

— Шкалы? Откуда им взяться на голове? — Она всерьез обеспокоилась, не несет ли сын бред.

— Ладно. Ничего, иди на кухню.

— Иду-иду, — она развернулась, ворча под нос: — Интересно, хватит ли продуктов? Кто же знал, что я так скоро начну откармливать невестушку.

Чэн Пан задохнулся от возмущения:

«Я что, сам напросился?!»

Цю Юй снова сел рядом и замер, не сводя глаз с надувшегося парня.

Красная шкала — Уровень симпатии: 50%.

Желтая шкала — Степень изгиба: 61%.

Опять упала?

«Уровень симпатии»... Если понимать буквально, это то, насколько один человек нравится другому. Неужели это показатель чувств Бай-бая ко мне?

Цю Юй нахмурился. Нет, невозможно. Бай-бай не может любить меня всего на пятьдесят процентов.

Он любит меня всем сердцем.

Понимая, что на помощь матери рассчитывать не приходится, Чэн Пан решил воззвать к голосу разума самого Цю Юя. Тот был еще молод, и нельзя было позволять ему губить жизнь на тропе криминала.

— Цю Юй, — вкрадчиво начал он, — может, ты отпустишь меня домой?

— Нет, — отрезал тот.

— Но это же преступление!

— Ничего страшного. Отныне твой дом здесь. Мы всегда будем вместе.

—...

Цю Юй наклонился и принялся стягивать с него кроссовки.

Чэн Пан дернул ногой:

— Ты что творишь?

— Ты устал? Хочешь поспать? — нежно спросил Цю Юй.

Он уложил ноги Чэн Пана на кровать, а затем сам примостился с краю, натягивая на обоих одеяло.

— Бай-бай, давай вздремнем немного.

Чэн Пан судорожно сглотнул. Цю Юй улыбнулся и подтянул одеяло повыше, закрывая глаза.

— Бай-бай, не бойся. Если не будешь пытаться сбежать, я позже тебя развяжу.

Дыхание Цю Юя постепенно выровнялось.

Чэн Пан осторожно огляделся. Комната была крошечной, с отдельным санузлом. Окно закрыто, шторы задернуты, а снаружи, как он помнил, намертво привинчены решетки. Единственный путь на свободу лежал через дверь.

Время тянулось невыносимо медленно. Наконец к двери снова подошла мать Цю Юя:

— Цю Юй, невестушка, обед готов.

Заглянув в щель, она увидела спящего сына и бодрствующего парня. Стараясь не шуметь, она просунула в комнату две миски, доверху наполненные рисом и закусками.

— Кушайте хорошенько. Если будет мало — зови. Посуду оставьте у двери, через полчаса заберу.

Дверь снова закрылась.

«Какая отточенная схема», — поразился Чэн Пан.

В животе предательски заурчало. Он не ел со вчерашнего вечера, и аромат домашней еды, заполнивший комнату, окончательно лишил его сил.

Цю Юй открыл глаза.

— Проголодался? — ласково спросил он.

Чэн Пан кивнул. Цю Юй поднялся, взял одну из мисок и присел на край кровати. Орудя ложкой, он поднес первую порцию к губам парня:

— Давай, я тебя покормлю.

Понимая, что путы с него не снимут, Чэн Пан покорно открыл рот. Цю Юй кормил его бережно, вытирая салфеткой его губы. Глядя на то, как у парня раздуваются щеки, он негромко рассмеялся:

— Бай-бай, ну и аппетит у тебя. Как у прожорливого кота.

Чэн Пан усердно жевал:

«Конечно, нужно есть. Без сил я точно не сбегу. А готовят в этом доме... весьма недурно».

Цю Юй так и сидел с сияющими глазами, явно наслаждаясь ролью заботливого хозяина. Он даже легонько ущипнул парня за щеку. Когда первая миска опустела, Чэн Пан, почувствовав укоры совести, спросил:

— А ты? Почему сам не ешь?

— Не волнуйся, я поем позже.

Цю Юй действительно сильно осунулся. Видимо, известие о том, что отец Чжоу Вэя — его биологический родитель, стало для него тяжелым ударом.

Чэн Пан понимал: Цю Юй искренне привязан к нему и не хочет причинять боли. Корень проблемы крылся в том, что он сам когда-то его раззадорил...

— Цю Юй, тебе не кажется, что это... не совсем нормально?

— Что именно?

— Ну, когда люди вместе, это должно быть добровольно... так ведь? — Чэн Пан старался намекать как можно прозрачнее.

— Угу, — кивнул Цю Юй.

Решив, что его слова возымели действие, Чэн Пан воодушевился:

— Настоящие чувства — это когда оба этого хотят. Только тогда вспыхивает искра любви и созревают её плоды. Тебе нужно найти кого-то, кто...

Договорить он не успел.

— Если бы всё всегда было добровольно, — ровным голосом перебил его Цю Юй, — я бы даже не родился.

— В каком смысле? — ляпнул Чэн Пан прежде, чем успел подумать.

Спустя мгновение до него дошло.

В этот момент за дверь снова послышался голос матери. Заметив пустую миску у порога, она с энтузиазмом наполнила её снова, не жалея мяса:

— Какая же у меня невестушка аппетитная! Когда отец Цю Юя был жив, он и трех мисок в день осилить не мог.

—...

Цю Юй пристально посмотрел на парня:

— Именно в том смысле, о котором ты подумал.

У Чэн Пана округлились глаза.

«Святые угодники... это что, семейная черта?! Династия яндэрэ?!»

Холодный пот прошиб его до самых костей: «Погодите, они что... собираются держать меня тут, пока я им внуков не рожу?!»

<http://bllate.org/book/17527/1699060>